

Числовая характеристика собирательных имён в эрзянском языке

Е. Ф. Клементьева

*Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Российская Федерация,
klementeva.71@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Отношение имён собирательных к категории числа не являлось предметом специального изучения в эрзянском языке. Неопределённостью числовых форм у этого разряда имён и обусловлена актуальность данного исследования.

Цель: выявление потенциальных возможностей собирательных имён в плане образования форм единственного и множественного числа.

Материалы исследования: произведения эрзянских писателей К. Абрамова, М. Брыжинского, А. Дорони́на, П. Ключагина и лексикографический материал.

Результаты и научная новизна. У языковедов всегда вызывали интерес разряды имён существительных с «нестандартным» отношением к категории числа. К ним относятся существительные с отвлечённой и вещественной семантикой. В качестве ещё одной группы существительных, проявляющих неоднородную реализацию категории числа, предстают собирательные имена.

Отсутствие морфологического единства в числовых формах имён собирательных представляет собой одну из особенностей грамматики эрзянского языка. Некоторые из них могут иметь только форму единственного числа, другие свободно образуют и форму множественного. Но в отличие от множественного числа считае́мых предметов, эта форма у собирательных существительных обозначает множество однородных предметов как совокупность единиц.

Анализ показал, что собирательные имена в большинстве случаев могут употребляться как в формах единственного, так и множественного числа. Так, имена с лексическим значением совокупности свободно образуют формы множественного числа. Собирательные существительные, где данное значение выражено посредством аффиксов, не всегда прозрачны в этом плане.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые рассмотрены возможности образования числовых форм разных семантических групп собирательных существительных в эрзянском языке.

Ключевые слова: эрзянский язык, собирательность, имя существительное, единственное число, множественное число.

Для цитирования: Клементьева Е. Ф. Числовая характеристика собирательных имён в эрзянском языке // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 2. С. 254–261.

Numerical characteristic of collective nouns in the Erzya language

E. F. Klementyeva

*National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
klementeva.71@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the number category of collective nouns in the Erzya language has not been a subject of special studies. The relevance of the study is caused by the uncertainty of number forms of this noun class.

Objective: to consider the potentialities of collective nouns in terms of building of the singular and plural forms.

Research materials: the works by the Erzya writers K. Abramov, M. Bryzhinsky, A. Doronin, P. Klyuchagin and lexicographic materials. The descriptive, historical and component analysis methods were used.

Results and novelty of the research: the noun classes with an irregular number category have always drawn the interest of linguists. These are primarily nouns with abstract and material semantics. Another group of nouns with an irregular number category is collective nouns.

The lack of morphological consistency in the numerical forms of collective nouns is a specificity of Erzya grammar. Some collective nouns can have only the singular form; others have both the singular and the plural forms. But unlike the plural of count nouns, the plural of collective nouns denotes a lot of the same objects as a set.

The analysis showed that, in most cases, collective nouns can be used both in the singular and plural forms. The nouns with the lexical meaning of a set of the same objects form the plural. Collective nouns, the plural of which is formed through affixes, are not always transparent in this regard.

The scientific novelty of the study is in the fact that for the first time the possibilities for the formation of number forms of different semantic groups of collective nouns in the Erzya language are considered.

Key words: Erzya language, collectiveness, noun, the plural, the singular.

For citation: Klementyeva E. F. Numerical characteristic of collective nouns in the Erzya language // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2020; 10 (2): 254–261.

Введение

В эрзянском языке собирательные существительные образуют лексико-грамматические классы слов, выражающих целостно воспринимаемые, совокупные множества лиц, животных, предметов и явлений действительности. Категория собирательности имеет свою лексическую базу и систему словообразовательных типов. Собирательные имена отличаются также рядом характерных морфологических и синтаксических признаков, проявляющихся прежде всего в функциональном и структурном отношении к грамматической категории числа [6, 5]. Собирательность имеет тесную связь с категорией числа. Эти единицы, как и числовые формы, – прежде всего средство выражения множественности в языке. Функционально-семантическое поле собирательности является частью поля количественности, а грамматическая категория числа представляет собой один из центров этого поля.

По вопросу отношения собирательных существительных к категории числа существует множество точек зрения. Некоторые лингвисты считают, что слова, не вступающие в бинарную оппозицию единичность-множественность, находятся вне категории числа. В их числе русский лингвист А. А. Реформатский, утверждающий, что если «нет числового противопоставления двух форм, нет и категории числа как несинтаксической категории» [10, 391]. В финно-угорском языкознании связь собирательных имён с категорией числа в разное время рассматривалась многими учёными, к числу которых относятся Д. В. Бубрих [4], К. Е. Майтинская [9], Б. А. Серебренников [11] и др. Так, Д. В. Бубрих утверждает

о происхождении признака множественного числа из словообразовательного суффикса с собирательным значением и отличии множественного числа имени и собирательного имени. Главным критерием этого отличия учёный считает возможность соответствующих категорий иметь согласование по числу [4, 211–212]. К. Е. Майтинская пишет, что не только суффиксы коллективной множественности, но и суффиксы общего множественного числа восходят к словообразовательным формантам собирательности [9, 80]. По мнению Б. А. Серебренникова, в древности формант *-t* носителями мордовского языка не воспринимался как показатель грамматической категории множественности, так как выражал собирательную множественность [11, 41–42].

В мордовском языкознании собирательность как лексико-грамматическое явление рассматривалась в трудах профессора Д. В. Цыганкина [12; 13]. Учёный считает собирательное множественное подкатегорией по отношению к категории числа [13, 27]. Р. В. Бабушкина в своей работе «Способы выражения категории собирательности в системе волжско-финских языков» отмечает тесную связь категории собирательности с категорией числа и выделяет несколько способов выражения собирательного значения [1, 21–35].

Авторы грамматики мордовских языков указывают, что «значение нераздельного множества может быть выражено лексически, т. е. словоформой со значением и внешними признаками единственного числа, находящимися, как правило, вне сферы оппозиции единственное-множественное» [5, 149]. Категория собирательности и её отношение к категории числа являлась предметом изучения и в наших публикациях [6; 7; 8].

В числе последних работ по финно-угорским языкам следует отметить исследования Н. С. Братчиковой, рассматривающей образование форм единственного и множественного числа существительными в финском языке. Автор указывает на возможность практически любого существительного иметь формы обоих чисел. Ею выделены и падежные формы со значением собирательности / коллективности, которые, как она считает, употребляются во множественном числе [2; 3, 8–11].

Мнения некоторых лингвистов сводятся к тому, что собирательность должна быть выражена словообразовательно (А. А. Реформатский, Д. Э. Розенталь, Н. М. Шанский, Л. В. Щерба) и иметь форму только единственного числа. Этот признак воспринимается как дифференциальный и подчас абсолютизируется.

В связи с этим в уралоистике встречается понятие неопределённого числа, о котором в своих работах упоминают Л. Хонти [16], П. Равила [18], Э. Итконен [17] и др.. По их мнению, неопределённое число, по форме напоминающее единственное, используется тогда, когда множество кого- или чего-либо преподносится как единичность или собирательность.

На наш взгляд, собирательные существительные, независимо от того, имеют или не имеют форму множественного числа, не могут считаться изолированными от категории числа только потому, что они являются существительными. Но в сравнении с категорией числа считаемых предметов, собирательные имена обозначают не количество, а совокупность предметов. Следовательно, категория числа характеризуется оппозицией один предмет – много предметов, а собирательные имена – один предмет – совокупность предметов. Основное отличие категории собирательности от категории числа в том, что первая словообразовательная категория, а вторая словоизменяемая.

Материалы и методы

В статье рассматриваются собирательные имена и их отношение к категории числа. Материалом для исследования послужили произведения эрзянских писателей «Дым над землёй», «Пургаз», «Избранные произведения» К. Абрамова; «Лекарство от жизни» М. Брыжинского; «Перепёлка – птица полевая», «Тени колоколов», «Кузьма Алексеев» А. Доронина; «Кочедык» П. Ключагина, а также лексикографический материал.

При рассмотрении данного вопроса использовались следующие методы: исторический (исследование развития грамматических показателей числа в их связи с именами собирательными), описательный, с помощью которого анализировалась содержательная сторона этой категории, а также метод компонентного анализа (исследование семантики собирательных имён).

Результаты

При анализе имён собирательных в эрзянском языке приходим к выводу, что все они делятся на несколько групп. К первой относятся слова с лексическим значением собирательности, то есть это значение является их первичным значением. Собирательные существительные этого типа представляют собой чистые основы без словообразовательных формантов, а возможно, уже воспринимаются как таковые. Среди них выделяются две большие подгруппы:

1) слова, выражающие совокупность одушевлённых предметов;

2) слова, выражающие совокупность неодушевлённых предметов.

В плане выражаемых значений к первой подгруппе относятся:

а) слова, обозначающие упорядоченную совокупность: *ушмо* 'войско', *раське* 'народ', *велесядо* 'община (сельская)', *сядо* 'сотня', заимствованные *народ*, *полк*, *команда*, *артель*, *бригада*, *класс*, *коллектив*, *хор*. Подобные собирательные имена представляют единство по форме, но множество по значению и имеют полную числовую парадигму. *Тосо пурнась сядо сизьгемень тёжа ломаньс ушмо – мекев сыргась Московонть пелев* (А. Доронин) 'Там собрал в сто семьдесят тысяч человек войско – обратно пошёл в сторону Москвы'; *Тей сакшныть сядонь прявттнэ, Од ошонь эрицят ды лият кить кулянь кунсолосо* (К. Абрамов) 'Сюда приходят предводители сотен, жители Нового города и многие другие послушать новостей'.

С точки зрения семантики они могут обозначать:

– совокупность лиц по национальному признаку: *эрзя*, *мокиша*, *меря*, *мурома*, *ханты*, *манси* и другие. *Голядесь эрямо од таркань вешнеме шаитсь Чилисема ёнов ды лоткась меряттнень видьс, конаттнень модаст-масторост аитесь мокиэрзятнеде Чивалгома ды Пелеве ёнов* (М. Брыжинский) 'Голядь, разыскивая новое местожительство, передвинулась к востоку

и остановилась около мерян, земли которых находились западнее и севернее от мокшан-эрзян'; *Ульнесть сянгинетьгак, но эрзятне эзь тонадо эйсэст ярасмо, сурсо вадрясто саеви сывель сускомось* (К. Абрамов) 'Были и вилки, но эрзяне не привыкли есть ими, пальцами хорошо брать кусок мяса'. Как мы говорили ранее, форма множественного числа этих существительных может передавать некоторое количество и отдельных представителей той или иной национальности. *Минь, чей, эрзят, вейке верень, а тон рузава мельга туить* (К. Абрамов) 'Мы, чай, эрзяне, одной крови, а ты за русской женщиной пошёл';

– совокупность лиц по родственным отношениям: *раське* 'род, народ', *кан* 'род', *буе* 'род, племя', *кудораське* 'семья'. *Ён нуцькась, а меряткак, а сынст, Вечкановтнень раськенъ* (А. Доронин) 'Хороший внук, и не скажешь, не из их рода Вечкановых';

– совокупность лиц, обозначающих неприятельские отношения: *ят* 'враг', *душман* 'враг', *губан* 'враг'. *Изнямонть кемия те ушмось прок кортась тензэ: «Ямонть тапасынек!»* (А. Доронин) 'Верящее в победу это войско как будто говорило ему: «Врага разобьём!»'. Вместе с тем, форма единственного числа может указывать и на одного человека. *Православиянь ят, келя, сон, те эрзя-язычникесь, Христос Идицянтъ лемензэ пацьки* (А. Доронин). 'Враг православия, говорят, он, этот эрзя-язычник, имя Христа Спасителя пачкает'.

Эти существительные могут употребляться и в форме множественного числа. *Миненек тонь марто савкины весемеде стака. Минек раськетне эрить масторонь чиресэ. Душмантинэ васняк кайсевить минек лангс* (К. Абрамов) 'Нам с тобой приходится тяжелее всех. Наши народы живут на краю земли. Враги сначала нападают на нас';

б) одушевлённые собирательные существительные со значением беспорядочной совокупности лиц: *гурьба* 'гурьба', *орава* 'орава', (*ломань*) *пурнавкс* 'толпа', *полк* 'перен. полк (множество, толпа)'. *Весть сон (Матя) неизе Феликсэнь проулкасто Таня марто кортнемстэ, омбоцедэ – Феликс якась тейтерь гурьба марто вирев* (К. Абрамов) 'Однажды она (Матя) увидела Феликса разговаривающим с Таней, в другой раз – ходил с гурьбой девушек в лес';

в) существительные, обозначающие совокупность животных, птиц, насекомых: *гурта* 'стадо крупного рогатого скота', *веле* 'рой', *кильдема* 'скотина, скот', *скотина* 'скотина, скот'. *Виде, од таркась седе паро: кордононть перька касы*

тусто вирь, ваксканзо чуди Сура леесь, лёмстонть скотинантень тикиенть ледть зяро мелеть, оймсемскак ули косо (А. Доронин) 'Действительно, новое место лучше: вокруг кордона растёт густой лес, мимо него течёт река Сура, на пойме скотине (ед. ч.) травы коси сколько хочешь, и отдыхать есть где'; *Кода тия а тапить скотинанте, а сон (тикиесь) ялатеке кепети* (К. Абрамов) 'Как здесь не топчется скотина (мн. ч.), а она (трава) всё равно поднимается'; *Sin'št alašast tsela abusa* [19, 5] 'У них лошадей целый табун'; *Рамсекинесь (Ортя атя) велень модат, кирдсь ламо лугат, пансесь ревень гуртт ды торговась сюросо* (К. Абрамов) 'Покупал (старик Ортя) сельские земли, держал много лугов, гонял овечьи отары (букв. стада) и торговал зерном'.

Рассмотренные собирательные существительные имеют семантику множественности уже в своём лексическом значении. Традиционно лингвистами они рассматриваются как выступающие в форме единственного числа обозначения множеств.

В языкознании является спорным вопрос об отнесённости таких существительных к собирательным или конкретным. По значению они близки к собирательным, так как обозначают совокупность как одно целое, а по грамматическим признакам являются конкретными, имея способность образовать формы множественного числа и сочетаться с количественными числительными.

Собирательные существительные со значением совокупности неодушевлённых предметов семантически более прозрачны. Подобные имена в эрзянском литературном языке и диалектах более распространены по сравнению с существительными первой подгруппы.

Они могут выражать:

а) беспорядочную совокупность предметов: *куця* 'куча, копна', *орох* 'ворох', *оровт* 'ворох (зерна), бурт', *мар* 'куча, гряда'. Например: *Палатаванть истя яказевсь, теке оровтсто дигат пансесь* (А. Доронин) 'По палате так заходил, как будто с вороха гусей отгонял'. Данные лексические единицы могут функционировать и в прямом, и в переносном значении: *куця ярмакт* 'куча денег', *куця тевть* 'куча дел', *орох эйкакшит* 'ворох детей'. В данном случае больше выражена количественная сторона, а не качественная;

б) совокупность предметов, объединённых по каким-то внешним признакам: *бастыль* 'сухой бурьян', *вирь* 'лес'; *пусмо, пуйме* 'букет'; *каш-таз* 'венок'; *кире* 'клубок'; *пулт* 'сноп'; *керьме, керькс* 'связка', *итевь* 'сноп (конопли, льна)';

копана ‘копна’; *кувта*, *колка* ‘клок (например, шерсти, волос, травы)’; *петка* ‘небольшая копна’; *копакш* ‘куча (например, соломы, травы)’; *гавара* ‘охапка’; *костёр*, *ярыз* ‘поленница’; *сечь* ‘головешки’; *печь* ‘снопы конопли’; *олго* ‘солома’, *gn'ezda* ‘пара связанных веников или мётел’ [19, 412], *šovaro (šovar, šovar)* ‘20 горстей конопли или льна’ [19, 288]. Например: «*Арсематнень ве пусмос пурнама*», – *окойники прась сон ве мельс* (А. Доронин) ‘«Мысли в один букет надо собрать», – наконец согласился он’; *Вана уш виренть удалдо, Тёкшай пандонтъ экиштэ, сырнень путокс ёртовсь чинть валдозо...* (П. Ключагин) ‘Вот уже из-за леса, из-за горы Тёкшай, золотым снопом раскинулся свет солнца...’; *Ошонь сэрей пирявтонть удалов усксть олгот ды истямо ладсо кирвазтизь пирявтонтькак* (К. Абрамов) ‘К городскому высокому забору привезли солому (мн. ч.) и таким образом зажгли и забор’.

Так, например, существительное *вирь* имеет в словаре пометку *собир.* только в значении «срубленные деревья как строительный, поделочный и т.п. материал» [14, 136]. На наш взгляд, это слово является собирательным именем и в значении растущих деревьев и кустарников. Следующий пример доказывает это. *Седе тов ушодови вирь – тумот, килейть, пизелкт, пойть – кодат чувтт ансяк а касыть тесэ* (А. Доронин) ‘Дальше начинается лес – дубы, берёзы, рябины, осины – какие деревья только не растут здесь’; *Вирь-сэнть панжсь пекшесь, ды сонзэ медень чинесь човорявьсэ цецянсетнень марто* (К. Абрамов) ‘В лесу расцвела липа, и её медовый запах перемешался с цветочными’.

Существительные, выражающие значение совокупности ягод, кустарников, растений также могут иметь формы единственного и множественного числа. *Вирев яксинек кстый, пейте, пизёл ды чевгель мельга* (П. Ключагин) ‘В лес ходили за земляникой (ед. ч.), орехом (ед. ч.), рябиной (ед. ч.) и калиной (ед. ч.)’; *Кичирень латксонтъ кассть пиципалакт, чеереньгарькт, чудожовт, эльденачкт* (А. Доронин) ‘В придорожном овраге росли крапива (мн. ч.), вьюнок (мн. ч.), осот (мн. ч.), щавель (мн. ч.)’.

Вторую большую группу собирательных имён составляют те, в которых значение собирательности выражается посредством аффиксов, например: *авидень* ‘моя мама и другие с ней’, *патидень* ‘моя старшая сестра и другие с ней’, *инзейпуло* ‘малинник’, *ярсамопель* ‘еда’, *Витяместь* ‘Витя и ещё кто-то с ним’. Это довольно продуктивный способ образования собирательных имён

в эрзянском языке. Словообразовательную функцию выполняют прежде всего суффиксы и аффиксоиды. В этой группе существительных нет единообразия. Некоторые из них могут иметь форму множественного числа, другие же нет. Так, например, единицы с суффиксом *-де* выступают, как правило, с посессивными аффиксами, многие из которых уже имеют в своём составе показатель множественности. По мнению Д. В. Цыганкина, эти формы возникли очень давно, они предшествуют оппозиции единственное-множественное [13, 27]. Д. В. Бубрих полагает, что аффикс *-де*, генетически родственный суффиксу множественного числа *-т(-ть)*, имел некое грамматическое значение собирательности [4, 78].

В формах *Витяместь* этот суффикс имеется в структуре аффиксоида *-мезть*. *Эрять Судосевмезть чувтонь каладо бараксо, сон чоподадь ды начколь, эрва ёндо пувсевсь кельме вармасо* (А. Доронин) ‘Жили Судосев и те, кто с ним, в деревянном ветхом бараке, он был тёмным и сырым, с разных сторон обдувался холодным ветром’. При употреблении существительных с этим аффиксоидом в косвенных падежах суффикс *-ть* утрачивается.

Собирательные существительные, образованные с помощью аффиксоидов *-пуло*, *-пель*, свободно образуют формы множественного числа: *инзейпулот* ‘малинники’, *килейпулот* ‘березняки’, *ярсамопельть* ‘еда, кушанья’, *симемапельть* ‘питьё, напитки’, при этом у последних указывая на разнородное множество. *Лиссь Вечканов пи-ченулонть пачк – икелензэ панжовсь се паксясь, козонь тедеде виднесь шууж* (А. Доронин) ‘Вышел Вечканов сквозь сосновник – перед ним открылось то поле, куда в этом году засеял ячмень’; *Аватне ацасть тензэ тарка, уштызь каштомонтъ, кармасть пидеме ярсамопель* (А. Доронин) ‘Женщины постелили ему постель, истопили печь, начали варить еду’; *Седикеле те мендязь эскесэнтъ кодыльть карсемапельть – картъ* (П. Ключагин) ‘В старину этим кривым гвоздем плели обувь (мн. ч.) – лапти’.

Третью группу собирательных имён образуют парные существительные, у которых это значение передаётся синтаксическим путём. Для таких слов неизменным условием является употребление их в форме множественного числа: *нулат-валат* ‘тряпье’, *тетят-ават* ‘родители’, *понкст-панарт* ‘бельё’, *пенчть-вакант* ‘посуда’. *Козяйкась совась каштом икелев, талайс тосо шлясь пенчть-вакант* (А. Доронин) ‘Хозяйка зашла на кухню, долго там мыла посуду’;

Эйкакшитне чарасть ды чийнесть тетяст-аваст вакссо (К. Абрамов) ‘Дети кружились и бегали около своих родителей’. По мнению многих исследователей, парные имена существительные являются очень древними [15, 151], а суффикс *-т* (*-ть*) в их составе имел первоначально собирательное значение [4, 77; 11, 42].

Обсуждение и заключение

Таким образом, говоря о собирательных именах в эрзянском языке, следует отметить, что они имеют тесную связь с категорией числа. Это объясняется их историческим происхождением. Специфической особенностью собирательных существительных является то, что их основное значение передаётся как формами единственного, так и множественного числа. Формы единственного числа данных слов обозначают множественность в отличие от форм единственного числа конкретных существительных, обозначающих один предмет. Эти имена могут выражать собирательность через форму множественного

числа, отличаясь от конкретных существительных в грамматическом отношении.

На основании рассмотренного материала приходим к следующему выводу: имена собирательные с позиции их отношения к категории числа представляют собой неоднозначную картину. Так, существительные с лексически выраженной собирательностью имеют формы единственного и множественного числа. Имена с морфологически выраженным значением неодинаковы. Существительные, образованные с помощью аффиксоидов *-пель*, *-пуло*, свободно образуют формы множественного числа, существительные с *-мезть* в номинативе уже в своём составе имеют показатель множественности *-ть*, а имена с суффиксом *-де* употребляются только с аффиксами посессивности, имеющими значение множественности. Необходимо отметить, что из рассмотренных собирательных существительных парные слова сочинительного типа более последовательно придерживаются формы множественного числа: они почти всегда имеют формант множественности в именительном падеже.

Список источников и литературы

1. Бабушкина Р. В. Способы выражения категории собирательности в системе волжско-финских языков // Актуальные вопросы мордовского языкознания. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1988. С. 21–35. (Труды Мордовского НИИ языка, литературы, истории и экономики: Серия лингвистическая. Вып. 94).
2. Братчикова Н. С. К вопросу о функционировании единственного числа в финском языке // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2019. № 5. С. 28–41.
3. Братчикова Н. С. Особенности употребления форм множественного числа имени существительного в финском языке // Финно-угорский мир. 2019. Т. 11. № 1. С. 6–13.
4. Бубрих Д. В. Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1953. 265 с.
5. Грамматика мордовских языков. Фонетика, графика, орфография, морфология / Под ред Д. В. Цыганкина. Саранск: Изд. Мордов.ун-та, 1980. 430 с.
6. Клементьева Е. Ф. Категория собирательности в эрзянском языке. Саранск: Красный Октябрь, 2003. 79 с.
7. Клементьева Е. Ф. Особенности употребления числовых форм имени существительного в эрзянском языке // Языковые контакты народов Поволжья: актуальные проблемы морфологии и синтаксиса: материалы IX Международного симпозиума. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2014. С. 50–53.
8. Клементьева Е. Ф. Словоизменительные и словообразовательные функции категории числа в эрзянском языке // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 4. С. 643–652.
9. Майтинская К. Е. Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. М.: Наука, 1979. 202 с.
10. Реформатский А. А. Число и грамматика // Вопросы грамматки: сб. ст. к 75-летию акад. И. И. Мещанинова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 372-400.
11. Серебренников Б. А. Историческая морфология мордовских языков. М.: Наука, 1967. 389 с.
12. Цыганкин Д. В. Грамматические категории имени существительного в диалектах эрзя-мордовского языка. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1977. 104 с.
13. Цыганкин Д. В. Мордовские языки глазами лингвиста-финноугроведа. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та. 2015. 284 с.
14. Эрзянско-русский словарь / Под ред. Б. А. Серебренникова, Р. Н. Бузаковой, М. В. Мосина. М.: Русский язык, Дигора, 1993. 805 с.

15. Hajdu P. *Bevezetes az urali nyelvtudományba. (A maguar nyelv finnugor alapjai)*. Budapest: Tankönyvkiadó, 1966. 180 p.
16. Honti L. *Die Grundzahlwörter der uralischen Sprachen*. Budapest: Akad. kiadó, 1993. 356 p.
17. Itkonen E. Die Laut – und Formenstruktur der finnisch-ugrischen Grundsprache // *Ural- Altaische Jahrbücher*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1962. Bd 34. Pp. 187–210.
18. Ravila P. Über die Verwendung der Numeruszeichen in der uralischen Sprachen // *Finnish-ugrische Forschungen*. 1941. № 27. Pp. 1–136.
19. Paasonen H. *Mordwinisches Wörterbuch. I: A–J*. Helsinki: Suomalais Ugrilainen seura, 1990. 557 p.

References

1. Babushkina R. V. *Sposoby vyrazheniya kategorii sobiratel'nosti v sisteme volzhsko-finskikh yazykov* [The ways of expression of the category of collectiveness in the system of the Volga-Finnish languages]. *Aktualnye voprosy mordovskogo yazykoznanija*. [Actual problems of Mordovian linguistics]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1988. pp. 21–35. (*Seriya Trudy Mordovskogo NII yazyka, literatury, istorii i ekonomiki: Seriyalingvisticheskaya. Vyp. 94* [Proceedings of the Mordovian Scientific Research Institute of Language, Literature, History and Economics: Linguistic Series. Vol. 94]). (In Russian)
2. Bratchikova N. S. *K voprosu o funktsionirovanii edinstvennogo chisla v finskom yazyke* [To the question about the functioning of the singular number in the Finnish language]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya* [Moscow University Philology Bulletin], 2019, no. 5, pp. 28–41. (In Russian)
3. Bratchikova N. S. *Osobennosti upotrebleniya form mnozhestvennogo chisla imeni sushchestvitelnogo v finskom yazyke* [Features of the use of plural forms of the noun in the Finnish language]. *Finno-ugorsky mir* [Finno-Ugric world], 2019, no. 11 (1), pp. 6–13. (In Russian)
4. Bubrikh D. V. *Istoricheskaya grammatika erzyanskogo yazyka* [Historical grammar of the Erzya language]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1953. 265 p. (in Russian)
5. *Grammatika mordovskikh yazykov. Fonetika, grafika, orfografiya, morfologiya* [Grammar of the Mordovian languages. Phonetics, graphics, orthography, morphology]. Ed. by D. V. Tsygankina. Saransk: Izd. Mordov. un-ta Publ., 1980. 430 p. (In Russian)
6. Klementyeva Ye. F. *Kategoriya sobiratel'nosti v erzyanskom yazyke* [The collectiveness category in the Erzya language]. Saransk: Krasnyj Oktyabr Publ., 2003. 79 p. (In Russian)
7. Klementyeva Ye. F. *Osobennosti upotrebleniya chislovykh form imeni sushchestvitelnogo v erzyanskom yazyke* [The features of use of the noun numbers in the Erzya language]. *Yazykovye kontakty narodov Povolzhya: aktualnye problem morfologii i sintaksisa: materialy IX Mezhdunarodnogo simpoziuma* [Language contacts of the peoples of the Volga region: actual problems of morphology and syntax: materials of the IX International Symposium]. Saransk: Izd-vo Mord. un-ta Publ., 2014. pp. 50–53. (In Russian)
8. Klementyeva Ye. F. *Slovoizmenitelnye i slovoobrazovatelnye funktsii kategorii chisla v erzyanskom yazyke* [Inflectional and word-formation functions of the category of number in the Erzya language]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2019, no. 9 (4), pp. 643–652. (In Russian)
9. Maytinskaya K. Ye. *Istoriko-sopostavitelnaya morfologiya finno-ugorskikh yazykov* [Comparative historical morphology of the Finno-Ugric languages]. Moscow: Nauka Publ., 1979. 202 p. (In Russian)
10. Reformatskiy A. A. *Chislo i grammatika* [Number and grammar]. *Voprosy grammatiki: sb. st. k 75-letiyu akad. I. I. Meshchaninova* [Issues of grammar: collections of papers on the occasion of the seventy fifth anniversary of academician I. I. Meshchaninov]. Moscow; Leningrad.: Izd-vo AN SSSR Publ., 1960. pp. 372–400. (In Russian)
11. Serebrennikov B. A. *Istoricheskaya morfologiya mordovskikh yazykov* [Historical morphology of the Mordovian languages]. Moscow: Nauka Publ., 1967. 389 p. (In Russian)
12. Tsygankin D. V. *Grammaticheskiye kategorii imeni sushchestvitelnogo v dialektakh erzya-mordovskogo yazyka* [The grammar categories of noun in the dialects of the Erzya language]. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta Publ., 1977. 104 p. (In Russian)
13. Tsygankin D. V. *Mordovskiye yazyki glazami lingvista-finnougroveda* [The Mordovian languages from the point of view of the specialist in Finno-Ugric studies]. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta Publ., 2015. 284 p. (In Russian)
14. *Erzyansko-russkiy slovar* [Erzya-Russian dictionary]. Ed. by B. A. Serebrennikov, R. N. Buzakova, M. V. Mosin. Moscow: Russkiy yazyk, Digora Publ., 1993. 805 p. (In Erzya, Russian)
15. Hajdu P. *Bevezetes az urali nyelvtudományba (A maguar nyelv finnugor alapjai)*. Budapest: Tankönyvkiadó, 1966. 180 p. (In Hungarian)
16. Honti Laszlo. *Die Grundzahlwörter der uralischen Sprachen*. Budapest: Akad. kiadó, 1993. 356 p. (In German)

17. Itkonen E. Die Laut – und Formenstruktur der finnisch-ugrischen Grundsprache. *Ural-Altische Jahrbücher*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1962. Bd. 34. pp. 187–210. (In German)

18. Ravila P. Über die Verwendung der Numeruszeichen in der uralischen Sprachen. *Finnish-ugrische Forschungen*, 1941, no. 27, pp. 1–136. (In German)

19. Paasonen H. Mordwinisches Wörterbuch. I: A–J. Suomalais Ugrilainen seura. Helsinki, 1990. 557 p. (In Erzya, German).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Клементьева Елена Филипповна, доцент кафедры мордовских языков, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва» (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68), кандидат филологических наук.

klementeva.71@mail.ru

ORCID.ID 0000-0003-0606-7110

ABOUT THE AUTHOR

Klementyeva Elena Filippovna, Associate Professor, Department of the Mordovian languages, National Research Ogarev Mordovia State University (430005, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya st., 68), Candidate of Philological Sciences.

klementeva.71@mail.ru

ORCID.ID 0000-0003-0606-7110